

Пролог

Мертвой она вернула свою красоту. Черты лица стали тоньше, усталость покинула их. И тени под глазами больше не казались молчаливыми признаками горя. Разгладились морщины, и даже квадратный мужской подбородок будто обрел девичью легкость.

Человек вздохнул.

Провел пальцем ото лба к носу, задержавшись на горбинке, которая видна-то не была, а под пальцами ощущалась. И дальше, к губам. Нижняя чуть отвисла. И язвочка на ней, давняя, старая, теперь гляделась причудливым украшением.

Да, пожалуй, так хорошо.

Он закрыл глаза, вдыхая запахи — камня и остывающего тела. А потом аккуратно, бережно даже, укрыл ее простыней.

Осторожно поднялся на корточки. Огляделся. Темно. Свет налобного фонаря выхватывал неровную стену, темно-красную, ноздреватую. Камень здесь ненадежный.

Даже камень и тот ненадежный.

Ничего. Человек уже научился слышать скалу. Та спала, и пусть даже что-то там, в глубине, похрустывало, постанывало, но безопасно.

Он на четвереньках выбрался из узкого тоннеля. Душно. Опять это давящее ощущение в груди, когда кажется — еще немного, и сердце остановится. Но стоило потерять грудь, и ощущение отступило.

Это просто воздуха не хватает.

Шахты давно закрыты, да и сомневался он, что во времена их расцвета кто-то заботился о вентиляции. Ничего. Пот стекал по лицу, по шее, под куртку, пропитывая и рубашку, и майку. Зато сердце разогналось и теперь радостно стучало в ребра.

Почти как живое.

Надолго его не хватит, но он ведь может вернуться. К ней. И к другим тоже. Когда захочет. Вернуться и посмотреть. Убедиться, что она на месте.

Что по-прежнему красива.

Что... не сердится.

Что готова поделиться с ним. Как остальные.

Кое-как отдышавшись, он двинулся прочь от камеры к центральному проходу. Луч света скользил по шахте, выхватывая то сами стены, то деревянные подпорки, которые чудом сохранились.

Как и все здесь.

Штольня шла под небольшим уклоном. Порой от нее отходили боковые штреки, и в них жила тьма. Он знал, что в третьем слева прячется полусгнившая вагонетка. А в следующем, если по направлению к выходу, зарастает каменной породой бутылка. Сотня лет минула, но все еще попадались свидетельства того, что некогда шахты жили.

Прямо как он.

Когда до выхода оставалось немного, человек замедлился. Здесь воздух был почище, и дышалось легче. Старые воздуховоды частью завалило, но оставшиеся еще открывались на поверхности, и теперь сквозь них просачивался холод.

Человек выключил фонарь. Привычно пристроил каску на плоский камень у входа. Поправил куртку, рюкзак. Отряхнулся, больше по привычке, чем и вправду из надобности. И дальше уже пошел по собственному следу.

С закрытыми глазами.

Как раньше. Раньше у него ведь получалось. И сейчас можно хотя бы сделать вид, что той украденной силы хватит на такую малость. Нет, человек знал, что силы больше нет. И мир навсегда застыл в одной ипостаси, закрыв путь наизнанку.

И что это правильно.

Он стабилен.

Он нормален.

И ему не нужно никого убивать. Так ему сказали, думая, что обрадуют. Идиоты. Впрочем, ему повезло, что целители в обычной своей самоуверенности даже не предположили, что его это совсем даже не обрадует.

Из горла человека вырвался тихий рык, но эхо сожрало его. И это лишь подстегнуло. Заставило перейти на бег.

Изнутри старый вход в шахту казался почти целым. Это с другой стороны он почти неразличим. Склон зарос сперва мелким осинником, сквозь который позже пробились дерева посерьезней и за сотню лет поднялись, переплелись корнями, вытянули узловатые ветки, создавая своего рода полог. И в сумраке его привольно было мхам да мелкому кустарничку.

Вход затянуло, словно зеленою трясиной. Человек и само его нашел случайно. А теперь вот, выбравшись, огляделся. Отряхнулся.

И вдохнул сырой холодный воздух всей грудью. Хорошо... как же, мать его, хорошо. Губы растянулись в улыбке. И он, подняв флягу, сделал первый глоток.

Кровь успела остыть, но не настолько, чтобы пить ее стало вовсе невозможно.

— Эй! Привет! — Окрик раздался совсем рядом. Рука дрогнула, пальцы разжались, и треклятая фляга выскользнула. На мох. На камни. — Извини, что испугал! Не хотел! А ты что тут? По делу, да?

Парнишку он знал.

И хуже того, парнишка знал его.

— Ага, — только и сказал человек, вытирая вспотевшие ладони о штаны.

— Батько, да? Опять ему нежить мерещится! Ему ж сколько говорено было, что нетути тут нежити! Нетути! — Мишка ловко перепрыгивал с камня на камень. — А ты это, извиняй, я не хотел. Он меня вона, тожечки отправимши, чтоб поглядел. На старых выработках. А я ему сразу сказал, что нетути тут...

Мишка съехал на заднице, оставив глубокий след во мхах. И этот след смотрелся почти как рана. Он заставил человека поморщиться.

А содержимое фляги разлилось.

— Ты это... не сердчай, добре? — Мишка тоже ее увидел. — Что это, настоечка? Я тетке скажу, она тебе отольет...

Он наклонился.

Потянулся.

И умер, так и не успев понять ничего толком.

Человек поморщился, удержав тело на весу. Только колени Мишкины обмякли и по мхам проехали. Но ничего. Мхов здесь везде хватает.

Флягу он поднял. Кровь... жаль.

И на Мишку с сомнением посмотрел. С одной стороны, конечно, не то, но, с другой, все одно покойник. Да и кто заметит-то?

Он ловко задрал голову. От парня пахло салом, домашним мылом и еще дымом. Нож вошел в шею аккуратно, и человек с трепетом слизал первую каплю.

Мелькнуло сожаление. Пропадет ведь.

Можно было бы и вниз. И там уже, в тиши да спокойствии, сделать все как надо. Правда, дара в Мишке ни капли, и от того кровь его пусть и сладка, но совершенно бесполезна.

Ему удалось сделать несколько глотков, после чего он перехватил тело и, закинув на плечо, бодро зашагал. В этом месте берег поднимался над морем высоко, и оно кипело, разбиваясь в пену, рассекаясь о каменные шипы рифов.

— Извини, парень. — Все-таки человек, как ему хотелось думать, сохранил остатки того, что люди называли совестью.

И Мишку ему было немного жаль. Добрый парень. Славный. Но что поделаться.

На войне всякое бывает.

Так ему говорили.

Он верил.

А потом сказали, что войны больше нет. Но... разве это что-то да значило?

Он подтянул тело к краю.

Оглянулся.

Нет. Чуть выше, там аккуратно камни, и скользкие.

Человек стянул с Мишки ботинки. Великоваты, конечно. И прилично так. Надо же, а паренек не казался рослым. Ну да ничего. Человек ступал осторожно, стараясь не тревожить камни. А уже там, на вершине груды, переобулся. К телу он возвращался по мхам. И поскользнулся, позволив себе съехать к самому краю. И уже на нем задержался, впиваясь когтями в камень. У кого другого дух бы захватило — здесь берег выдавался узкой каменной полоской. И тело, уже снова обутое, с нее скатилось легко.

А человек, глянув вниз, кивнул.

Все правильно.

Толку от Мишкиной крови ноль, а стало быть, и остальное будет бесполезно. Искать же его, в отличие от тех, кто остался в шахтах, точно будут. А значит, должны найти.

Мишку.

А то ведь мало ли...

В шахту пришлось вернуться. Благо подобный вариант событий он не то чтобы ожидал, скорее допускал. И подготовился загодя. Пара старых патронов, установленных в нужном месте. Легкий запах дыма. Вспышка. И алхимический порох сносит опоры, а заодно вызывает небольшой оползень. Снаружи, конечно, порода подсядет, но на старых шахтах такое частенько случается. Главное, что входа больше не было. У него же остались еще несколько, пусть не таких удобных.

Человек чихнул — пыли поднялось изрядно, — потряс флягу и сделал еще один глоток. Теперь он задержал кровь во рту, наслаждаясь и вкусом ее, и тонким флером силы.

Это не вино. Это лучше. Много, много лучше.

Жаль, что и заканчивается быстрее вина.

Несмотря ни на что, домой он возвращался в приподнятом настроении.

Все-таки и целители ошибаются. Он может не убивать. Как бы не так. В том и проблема, что он не может не убивать.

Глава 1. Покойник

Карта «Смерть» относится к старшим арканам и, как правило, свидетельствует о логическом завершении некоего явления или же жизненного этапа.

*«Малый толкователь карт и гадальных арканов»,
выпущенный под редакцией Общества любителей предсказаний
и рекомендованный для домашнего применения лицам,
не обладающим истинным даром прозрения*

В то утро первым на стол лег Покойник. Точнее, Смерть, потому как Софья страсть до чего не любила, когда карту Покойником именуют. Хотя, казалось бы, разница?

Ан нет.

Она хмыкнула и подвинула карту к самому краю. Слева от нее опустилась фарфоровая чашка с недопитым кофе. Справа, на блюде, легла тонкая сигаретка, которую Софья и прикуривать не стала.

— Опять бросаешь? — Я с трудом подавила зевок.

До сих пор ненавижу просыпаться рано, особенно когда за окном такая вот стылая морось. До весны еще пара недель, а потому погода радует.

— Брошу. — Софья отпила кофею, качнула чашку и перевернула содержимое на блюде. А ко мне подвинула стопку карт. — Бери.

Отказываться смысла не было.

И я вытасила. Поглядела на криворотую королеву мечей и бросила на стол.

— Перемены. — Софья повернула тарелку влево. Вправо. — Скоро. Старое закончится. Новое... что-то новое определенно ждет. — И замолчала.

Я ждала продолжения, потому как обычно Софья была куда многословнее, но она застыла, вперившись немигающим взглядом в стену.

Понятно.

Провалилась.

Я собрала карты, сунув треклятую даму в самую середину колоды. Уж больна рожа у нее довольноною была. Да и сама она напоминала...

Не думать.

Покойника покрутила в пальцах. А ничего так... главное, что прежде я его не видела. Новый, что ли? Карты Софья рисовала сама, а талант у нее имелся.

Обнаженная дева лежала на берегу, и сквозь тело ее прорастали тонкие стебли. Она казалась насаженной на них, словно на копья. И жемчужное ожерелье, отчего-то яркое, выделялось на горле ее алой полосой.

Алого жемчуга не бывает. Но... Софье видней.

Кофе я тоже убрала.

И себе сделала. Прислушалась. Есть не хотелось. Снова. Но надо. Я уже большая девочка. Я уже давно большая девочка. А потому могу есть даже тогда, когда не хочется.

От кофе неуловимо несло болотом, а это, мать его, куда более верный признак грядущей беды, чем все карты с покойником, вместе взятые. И главное, привкус этот знакомо оседает на языке, оттого и не чувствую ни вкуса хлеба, ни масла.

— Скоро, — произнесла Софья и покачнулась. — Не выпускайте чудовищ из шкафа.

А потом моргнула и очнулась.

— Будешь? — Я поставила чашку перед ней.

И отказываться не стала. Белые пальцы мелко подрагивали, а из-под слипшихся век выкатилась слеза.

— Закурить? — предложила я, когда Софья протянула руку. И сигарету вставила меж пальцев. — Может, ну его?

— С чем?

— С бросанием.

Она хмыкнула и пустила тонкую струйку дыма в потолок. И закрыла глаз. Правый. Левый, пусть даже веки расшили, оставался недвижим. Софья надвинула повязку и вздохнула.

— Должна же быть у меня хоть какая-то цель в жизни?

— Ну тогда да.

Кто бы спорил.

Я доела хлеб с маслом, запоздало подумала, что сверху можно было бы и сыру кусок бросить, но вставать было лень. А второй бутерброд в меня точно не влез бы.

— Зима. — Софья облизала губы. — Будь... осторожна.

— Ты что-то видела?

Я замерла, потому как только дурак станет игнорировать предсказание Пророчицы. Пусть и полуслепой, давно не пророчествовавшей, но... Софья покачала головой.

— Темно, — пожаловалась она. — Как... тогда. Но я просто чувствую, что неладно будет. И карта эта.

Покойник.

Ну да, Покойник — это всегда к переменам. Я знаю.

И ведь не обманул, пала этакая.

До участка я добралась пешком, благо недалеко. Вот только погода решила, что хватит мороси, и сквозь сизую дымку облаков, что спустились до самого моря, зарядил дождь. Такой ледяной, хлесткий, который пробивает и заговоренную кожу плаща.

Дождь стучал по крышам, скребся в окна и ненадолго вымывал тот самый рыбный запах, что пропитал наш треклятый остров, кажется, от флюгера на ратуше до самых подвалов. Как ни странно, дождь успокаивал. Он словно заперил меня, отделял от мира, который пусть и не исчезал совсем, но оставался где-то там, вовне.

И далекие желтые пятна окон казались глазами диких зверей.

И я сама почти становилась таким зверем. Дождь, словно размывая границы, дразнил, обещая, что еще немного, и я не просто сменю обличье, а сумею вернуться. Полностью.

Но оба мы слишком давно играли друг с другом, чтобы поверить в эту ложь.

Неважно.

Я добралась.

И отряхнулась под крышей. Толкнула дверь из темного дуба. Вяло звякнул колокольчик, отвлекая Никонова от колонки брачных объявлений. Но, убедившись, что это всего-навсего я, а не какая-нибудь весьма обеспеченная, хорошенькая и при этом не обремененная лишней родней вдова, жаждущая помощи и любви, Никонов вернулся к газете.

— Тебя Медведь спрашивал, — буркнул он.

Я отряхнула воду с волос и зацепила плащ за рога.

Участок на острове был небольшим, что и понятно. Полицейский, помощник такового, сиречь я, заодно уж и по розыску числимся, пара околоточных надзирателей да жандармы.

И то градоправитель то и дело вздыхает, что очень уж нас много.

Дескать, бюджет. И расходы.

А остров-то тихий. Тут, может, свой участок и вовсе не надобен. И главное, он ведь на самом-то деле не особо надобен. Такой. Сыск? Что тут искать? Лодку, которую один рыбак у другого спер? Или кто сети деду Макару попортил?

Драки и те в трактирах случаются редко. Да и... сами разбираются. Нас уже зовут, если вдруг покойник случился. А такое на моей памяти дважды было. Нет, не покойники, те случались частенько, но чтобы эти покойники нашего участия требовали.

Вот и...

Покойник.

Опять он. Не к месту. Я провела рукой по волосам, которые снова поднялись, норовя завиться мелким бесом. Надо было вчера пастой смазать. Или поутру еще. Я ж на той неделе прикупила. Уж не знаю, чего ради, порой и у меня приступы блажи случаются.

— Уволят тебя! — Никонов ткнул пальцем в газету, видать, какое-то из брачных объявлений тронуло его сердце. Скорее всего, суммой указанного дохода невесты, потому как на иные параметры Никонов разумно не обращал внимания. — Поглядишь тогда!

— Тогда-то я тебе точно шею сверну, — сказала, чувствуя, как нехорошо сжимается сердце в груди.

Не уволят. Меня не могут уволить.

Договор.

Был.

И... и сколько лет прошло? Десять? Нет, больше... тут, на острове, время что вода.

— Ты... ты того! — Никонов поспешно вытащил серебряный крест на цепочке.

Крест был внушительным, такой священнику носить бы. А потому лучше не думать, откуда он у Никонова взялся.

— Не действует это на меня. — Ткнула в крест пальцем, поглядела, убеждаясь, что ожога нет. И палец Никонову же продемонстрировала. — Так что чего другого выдумай.

— Вот что ты за баба... — проворчал он, крест, однако, убирая. — Ни рожи, ни обхождения... ты так замуж точно не выйдешь!

— Я уже была.

— И как? — Он аж подобрался, и глаза так блеснули, предвкушающе.

А то, о моей личной жизни в конторе еще те сказки ходили.

— Не понравилось.

— Это просто у тебя мужик неправильный был...

Что-то он еще говорил. Никонов в целом мужик не плохой, но болтливый безмерно. И сволочь. Как одно с другим сочетается? Не знаю. Но мы с ним еще на Большой земле встретились, когда банду Севки Хромого брали.

Та еще погань. Но спину я Никонову прикрывать позволю.

Сволочь, да. Но своя. Проверенная.

Ладно, не о том.

Я поднялась по скрипучей лестнице. Ступенек всего десятков, но у каждой свой голос. И Медведь наверняка слышит. Знает. Медведь всегда знает, когда я прихожу.

— Опять проспала? — Он сам открыл дверь и отступил, потому как иначе мне было бы не протиснуться. Каморка у него именно такая, какая и должна быть у лица столь важного. Стол вон влез. Шкаф. И сам Медведь. А это уже много. — Ладно, неважно... заходи. Как Софьюшка?

— Курить бросает.

— А... ну да... Да, и как? Хотя... — Махнул ручищей.

Медведь — он и есть Медведь. Огромный. И страшный. Для чужих. Унтер-офицер. Бывший. И не просто так, а из

личного его императорского величества Михаила Романовича отряда.

— Садись куда...

Куда?

Выбор невелик. Стул колченогий да кресло с ободранной спинкой, ибо Медведь слишком честный, чтобы взятки брать, а пенсия у него вкупе с жалованьем не столь велики, чтобы хватило на этакую ерунду.

Во всяком случае, не когда у тебя молодая жена.

Появилась.

Я поморщилась и велела себе успокоиться. Появилась и появилась. И хорошо. Мне бы порадоваться, что хоть кто-то жить начал. А радости не было. Только раздражение и глухая ядовитая зависть.

Присесть я присела. А Медведь вот не спешил.

Стоял, чуть покачиваясь.

Кресло мы ему с Софкой поднесли, еще когда только-только переселились на остров и тешили себя надеждой, что уж здесь-то все будет иначе. А он принял. Попробовал бы не принять.

— Тьма, ты...

Я напряглась. Если уж Медведь не по имени обратился, то... нет, оно, конечно, можно. Я и сама-то его Медведем кличу. В мыслях. Так-то он Османов Олег Ефремович, ежели по паспорту, но Олега Ефремовича я знать не знаю, а с Медведем мы изрядно крови пролили.

Там.

В прошлом.

В прошлом, которого нет.

Не выпускайте чудовищ из шкафа.

Что за глупая фраза... и, главное, прицепилась. А Медведь смотрит так жалко, что охота затрещину отвесить.

— Говори уже, — вздыхаю, понимая, что лучше б меня и вправду уволили. — Уезжаешь?

— Софья?

Я покачала головой.

— Ты же знаешь, что она больше не видит.

— Ну да, ну да... — Он провел ладонями по голове.

Голова у него массивная и бугристая, в шрамах вся. Это когда он под осколочную огненную угодил. Чудом вытащили. И... и волосы не растут почти. На шрамах. А между ними

пробиваются седую щеточкой. И оттого черепушку Медведь предпочитает брить налысо.

Не знакомых с ним людей впечатляет.

— Из-за нее, да?

— Тьма... — Он все-таки сел.

На пол.

И плевать на мундир, хотя не понятно, с чего это Медведь ныне парадный нацепил. Он форму любит примерно как я городские танцы. И нехорошее предчувствие окрепло и оформилось.

— Сердце у меня, — тихо произнес он. — Ты же знаешь... ты тогда меня вытащила... спасибо. Я и вправду помню.

Кто бы сомневался. И я помню. Хотя многое отдала бы, чтобы забыть. Хоть что-то забыть.

Не выпускайте...

В шкаф, мать вашу!

— Тогда еще целитель, ну, помнишь, говорил, что я чудом... и собирали.

По кускам. Не только его. Но ему повезло, что все куски были на месте. А целитель, мастер Зикорский, был старым въедливым козлом, который не пропускал ни одной юбки, но при этом лучше него спеца на нашем участке фронта просто-напросто не было.

— Ну и предупредил, что оно свое все равно возьмет.

Это я понимала.

— Давно?

— Да уж лет пару как. Сердце прихватывать начало. А в прошлом, помнишь, слег?

Еще бы. Я тогда испугалась до усрачки, потому что... потому что не имел он права умереть. Просто не имел, и все тут!

Не сейчас, когда войны нет!

Медведь дернул башкой.

— Оно вроде простуда. Хрень же ж. Чтoб штурмовик и с простуды. А оказалось, что тоже сказалоcь. Мне... посоветовали уехать.

— И какого хрена ты до сих пор тут?

Медведь виновато потупился. Ну да... как он мог бросить. Нас. Меня. Софку. Никонова вот с его безумным желанием отыскать ту самую состоятельную и молодую вдову. Молчаливого Барского, который периодически уходил в запои. Тихоню и Сапожника. Остальных тоже.